

Эва Лукашик

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КУЛЬТУР – ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫХОД ЗА
ПРЕДЕЛЫ ТРАДИЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ?

Мое выступление преследует весьма скромную цель. Я бы хотела сделать краткий обзор традиции постколониальных исследований и задуматься, исключительно в теоретическом плане, можно ли расширить данную понятийную парадигму, чтобы она была применима для сибирской проблемы, которой мы сейчас занимаемся.

Сама идея возможности применения постколониальных исследований к Сибири связана, несомненно, с работой Эвы Томпсон, которая искала аналогии между исторической ролью России, ее взаимоотношениями в евроазиатском мире и проблемами западноевропейских колониальных империй. Некоторые сходства, конечно же, были найдены и Эва Томпсон великолепно продемонстрировала их в своей книге «Трубадуры империи»¹: особенно выразительно, на мой взгляд, при

¹ Thompson E. Imperial Knowledge: Russian Literature and colonialism. Westport, CT – London, 2000; перевод на польск. яз.: Thompson E. Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm / Przeł. Anna Sierszulska. Kraków, 2000; перевод на укр. яз.: Томпсон Е. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм. / Пер. з англ. М. Корчинської. Київ, 2006; перевод на русск. яз. (отрывок): Томпсон Е. Трубадуры империи // Перекрестки (Vilnius). 2007. Vol. VII. № 1-2. С. 32–75 (пер. Татьяны Нядбай); доступен в сети по адресу: <http://www.owl.net.rice.edu/~ethomp/Perekryostki%201-2-2007.pdf>;

рассмотрении ситуации XIX века и контекста Восточной Европы. Мне кажется, однако, что дальнейшее расширение постколониальной парадигмы и применение ее к современным ситуациям требует большой осторожности и внесения множества модификаций и расширения понятий. Я имею в виду возможное использование постколониальной парадигмы по отношению к ситуациям формирования и развития идентификаций, как происходящим сейчас, так и планируемым в будущем, то есть вопрос, каким образом сибиряки должны бы были рассматривать проблему своего культурного существования в постмодернистическом мире, рассматриваемом скорее в категориях взаимодействия культур, чем символического насилия. Таким образом, я бы хотела предложить метафору межкультурной игры, в которую можно играть и выигрывать, вместо мысли о доминировании (или по крайней мере, наряду с ней), которая проистекает из одностороннего принятия постколониальной теории и может привести к бесплодному мышлению, основанному на категориях бессилия.

В дальнейшей части моего доклада я буду обращаться к современным исследованиям мировой (планетарной) литературы², что, на мой взгляд (не знаю, насколько он верен), может стать отправной точкой для размышления о возможности создания сибирских литератур – своего рода рассказов о себе, адресованных окружающему миру – в специфических условиях

перевод на бел. яз.: Томпсан Э. Песняры імперыі /Пер. Таццяны Нядбай. Мінск, 2009; доступен в сети по адресу: <http://www.owl.net.rice.edu/~ethomp/Pesniary%20imperiya.pdf>.

² Наиболее ярким, но не единственным представителем этого направления является Дэвид Дэброш. Из других работ можно перечислить: Thomsen M. R. Mapping World Literature: International Canonization and Transnational Literatures. London, 2008; World Bank Literature / Ed. by A. Kumar. Minneapolis, 2003; Debating World Literature / Ed. by Ch. Prendergast. London, 2004.

постмодерна. Итак, я попытаюсь, по мере сил, в теоретическом плане, оценить подобные перспективы и возможности, основываясь на определенном знании о мире, примерах явлений из других мест и на своем незнании Сибири. Поэтому я, конечно, не в состоянии прийти к каким-то окончательным выводам. Однако я надеюсь, что такой вывод может родиться в ходе дискуссии с самими сибиряками. Моя задача – лишь попытаться поставить некоторые вопросы.

Постколониальные исследования, как известно, выработали стройную систему понятий, определяющих сущность колониальных отношений как сложной формы насилия, которая существует не только на уровне экономической эксплуатации, но также в плане тонких отношений между доминирующей и доминируемой культурой, которые приводят к своего рода стиранию существования колонизованного народа в сознании остального мира, а также, по крайней мере, до определенного уровня, в собственном сознании колонизованного, который также в определенном роде «не знает» о себе. Согласно известному утверждению Вальтера Родни, «быть колонизованным значит быть удаленным из истории».

«Эпоха» постколониализма, таким образом, является великим движением ревизионизма, давшим толчок существованию колонизованного как в его собственном сознании, так и, благодаря привлечению внимания, в восприятии окружающего мира. Таким образом, явление постколониализма (о чем мы часто забываем) является более ранним явлением, чем постколониальные исследования как форма литературной критики и критики культуры. Если «Ориентализм»³ Саида – одно из первых произведений этой критики – был создан в начале 70-х, то корни постколониального интеллекту-

³ Said E. Orientalism. London, 1978.

ального «движения» следует искать, по крайней мере, на двадцать лет раньше, когда Эме Сезер опубликовал свои «Речи о колониализме»⁴, а Франц Фанон – «Черную кожу, белые маски»⁵.

С другой стороны, это выступление попало на благодатную почву, совпав с ритмом развития европейской культуры, которая в эпоху позднего модерна была в особенно восприимчивом состоянии. Оно было подготовлено, среди прочего, авангардными революциями в искусстве: вспомним, например, какое значение для кубистов имела африканская скульптура. Во Франции алжирский вопрос был в центре дискуссий центральных фигур интеллектуальной сцены того времени, таких как Сартр и Камю. В Англии возрос интерес к африканской литературе: издавался, например, нигерийский писатель Амос Тутуола. Даже в не столь передовых странах, как, например, в Португалии, издавалась литература на африканскую тематику и появились признаки интереса к ситуации африканцев. Постколониализм как интеллектуальное движение уходит корнями во времена до формальной деколонизации. Его можно рассматривать сквозь призму феномена встречи, предложенного проф. Я. Кеневичем (противопоставленного понятию контакта)⁶. Постколониальная встреча возникает из предшествующей ей колониальной эпохи и определенным образом подготовлена ею.

⁴ Césaire A. Discours sur le colonialisme / Éditions Réclames. Paris, 1950.

⁵ Fanon F. Peau noire, masques blancs. Paris, 1952.

⁶ Ян Кеневич многократно переосмысливал понятия «контакт» и «встреча», начиная с работы «От экспансии до доминирования. Попытка теории колониализма» (Kieniewicz J. Od ekspansji do dominacji. Próba teorii kolonializmu. Warszawa, 1986.) В частности, он писал об отличительных чертах «встречи» на примере Малабара в статье: Kieniewicz J. Cristãos e especiaria: The Portuguese Impact on the Malabar Christian Community // The Portuguese, Indian Ocean and European Bridgeheads 1500-1800 / Ed. by P. Malekandathil and J. Mohammed. Tellichery 2001. S. 119-132.

Именно аспект готовности имеет здесь существенное значение, что будет рассмотрено ниже.

Постколониальные исследования, в той форме, в которой были основаны Эдвардом Саидом, были, прежде всего, исследованиями в сфере литературной критики. Они выросли на почве заинтересованности Саида Дж. Конрадом как писателем⁷. Затем обогатились историческим, экономическим, социологическим, антропологическим измерениями, став особой отраслью гуманитарных наук, определенной более своим предметом, нежели методом. Понятийный аппарат постколониальных исследований, созданный изначально для описания и интерпретации вполне определенных исторических ситуаций, со временем стал пониматься все шире и относиться к все большему числу ситуаций. Особое значение для нас в этом плане имела книга Эвы Томпсон «Трубадуры империи», в которой в постколониальных категориях изложена история России и окружающих ее стран: не только подверженных военному насилию со стороны России, но и вступающих в сложные отношения символического взаимодействия с ней, а через нее – с остальным миром.

Горячие дискуссии вызвала, в частности, идея о том, что Польша была в прошлом колонизованной страной, а значит, впоследствии может рассматриваться как постколониальная. Они, без сомнения, были весьма эмоциональными, наполненными несогласием с символической деградацией, к которой привело бы рассмотрение польской культуры в категориях, пусть даже временной, зависимости и подчиненности. Однако, на мой взгляд, здесь возникает потребность в дискуссии совершенно другого плана: необходимо поставить вопрос, насколько эластичным является интерпретативный аппарат постколониальных исследований

⁷ Ср.: Said E. Joseph Conrad and the Fiction of Autobiography. Harvard, 1966.

и насколько оправдано его использование для новых территорий и исторических обстоятельств.

Колониальная ситуация и ее долгосрочные последствия, определяемые как постколониальная ситуация, – это лишь один из возможных случаев более широкого и более универсального явления взаимодействия культур. Возникает вопрос о пределах применимости характерных понятий постколониальных исследований и о потребности формулировки новых понятий наряду с прежней системой, не обязательно в противовес постколониальным исследованиям, для учета специфики и разнообразия случаев, которые относятся как к Евразии, так и к другим частям мира.

Неприятие тезиса Эвы Томпсон о том, что Польша, среди прочих стран, была колонизованной, приводит к логичному вопросу, а как же назвать в таком случае взаимоотношения Польши и России? Кажется очевидным, что между этими двумя странами в прошлом имели место глубокие культурные взаимодействия, которые нуждаются в более гибкой концептуализации, не оперирующей понятиями исключительности. Иначе говоря, необходим какой-то промежуточный уровень между восприятием взаимоотношений Польша-Россия как неповторимой и единственной в своем роде ситуации и подведением этого исключительного случая под парадигму колониальной ситуации, растяжимую до пределов универсальности. То есть, речь идет о попытке создания парадигмы либо серии парадигм, сосуществующих с постколониальной, позволяющих принять во внимание специфику различных случаев взаимодействия культур, выходящих за рамки постколониальной ситуации в узком понимании.

Применение постколониальной парадигмы к случаям, в которых колониальным или квази-колониальным центром является центр, находящийся за пределами западноевропейского мира, вызывает, на мой взгляд, сомнения еще иного рода. Вернемся к изложенной

выше идее о постколониальном интеллектуальном движении, развивающемся уже в середине XX века, как о встрече, обусловленной определенным уровнем восприимчивости доминирующей культуры. Я думаю, для определения того, возможно ли применить постколониальную парадигму к данной исторической ситуации, очень важно провести тщательный диагноз и определить уровень восприимчивости доминирующей стороны. Даже если доминируемая сторона решается заговорить собственным голосом и возникает тот тип диалога, который определяет, на мой взгляд, сущность постколониальных взаимоотношений как специфического феномена культурной коммуникации, она должна встретить готовность слушать, определенный тип «потребности» в этом дискурсе в метрополии.

В традиционно понимаемых постколониальных исследованиях популярна идея о двухполюсном характере отношений, являющихся их предметом. Однако появилась также идея трансколониальных исследований⁸, направленных на установление непосредственной коммуникации между разными странами с колониальным прошлым, исключая метрополию. Одна из характерных черт каждой ситуации, которую можно рассматривать в категориях центра и периферии, – в том, что периферии «являются невидимыми друг для друга». Они знают друг о друге лишь то, что будет «отфильтровано» центром, получит существование, признание в нем, а значит, опосредованно получит

⁸ Термин «трансколониальный» является неологизмом, однако он все чаще появляется в исследованиях; его применяют по отношению к явлениям сотрудничества и обмена, происходящим между элитами стран некоторого региона, ср. например готовящуюся к изданию работу, посвященную Южной Азии: *Trans-colonial Modernities in South Asia* / Ed. by M. S. Dodson, B. A. Hatcher. London, 2012. На мой взгляд, это ключевое понятие прекрасно отражает ситуацию сотрудничества и обмена опытом в рамках начинающейся сейчас сибирской программы.

одобрение и разрешение от центра, который именно таким образом утверждает собственную власть и влияние в символической сфере. (Я думаю не только о колониальных явлениях, но также о других, более мягких формах символического доминирования, таких, например, как создание и продвижение новых литературных стилей, идей или даже разных тенденций моды).

Более того, рассмотрение культурных взаимоотношений в отличной от традиционной перспективе постколониальных исследований дало бы возможность учитывать многополярность влияния. Колониальные отношения рассматриваются обычно в бинарных и однополярных, асимметричных категориях, как гнетущее и лишенное возможности отмщения насилие колонизатора над колонизованным, где лишь постколониальная ситуация создает пространство для (всегда неполной) смены ролей. По отношению к культурным взаимоотношениям, проявляющимся, например, в польском случае, кажется естественным, что следует учесть систему с числом «культур-участниц» большим двух. Надо допустить существование третьего элемента – Европы, а может быть, и четвертого, и последующих. Рассматривая другие евроазиатские ситуации, без сомнения, важнейшей задачей было бы определение реального числа элементов, принимающих участие во взаимоотношениях. Возможно, условием существования пограничья является учет триадической системы, где пограничье будет третьим, отдельным элементом, расположенным между двумя другими качествами или единицами. Быть может, это трехэлементное мышление разрушает уже сложившуюся парадигму постколониальных исследований, которая изначально была мышлением в категориях бинарной оппозиции.

Следующим аспектом, заслуживающим, на мой взгляд, тщательного рассмотрения и возможной перестройки, является антагонистический характер отношений. Классическая постколониальная ситуация вклю-

чает элемент насилия, которое может быть скрыто, но все-таки существует и имеет определенную черту – это насилие, предусматривающее четкое разграничение на агрессора и жертву. В своих исследованиях постколониальной ситуации в Африке, которые я проводила в рамках прошлого, уже завершенного, проекта проф. Кеневича, меня интересовала проблема цивилизационной привлекательности, как бы налагаемой на ситуацию зависимости и принуждения, особенно в постколониальной ситуации. Уже само определение символического насилия, сформулированное Бурдьё⁹, предполагает, до определенной степени, этот элемент, так как речь идет о жертве, очарованной виновником символического насилия. Однако, быть может, следовало бы продумать возможные ситуации, в которых культурная зависимость имеет какие-то черты добровольности, опирается на поиски выгоды, которые, конечно, впоследствии могут оказаться мнимыми, что однако не исключает их поиска как источника попадания в ситуацию зависимости. То есть, я имею в виду теоретическую модель, подразумевающую разные сценарии, которые реализуются – или нет – в конкретных реальных условиях.

В этом контексте мне представляется особенно важным рассматривать, помимо основанной на насилии ситуации, имеющей однозначное направление, а значит, позволяющей однозначно определить роли виновник-жертва, также ситуацию агонии, в которой будет происходить борьба между равносильными противниками. Их столкновение могло бы иметь характер жираровского миметического насилия, основанного на взаимной привлекательности противников и их внутренней неспособности к выходу за пределы категории, определяющие их спор¹⁰. (Противники желают одного

⁹ Ср.: Bourdieu P., Passeron J. C. La Reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement. Paris, 1970.

¹⁰ Ср.: Girard R. Je vois Satan tomber comme l'éclair. Paris, 1999.

и того же конфликта, так как не способны к автономному желанию, не могут определить для себя альтернативную цель; они способны лишь к миметическому повторению желания, желания того, что желает другой).

Таким образом, проблема взаимодействия культур в мире была бы не только проблемой символического насилия, давления основанного на явном или скрытом намерении уничтожения одной культурой другой. Появляется, например, проблема взаимодействия между цивилизационными центрами и периферийными территориями, которые попадают в символическую зависимость, не потеряв своей политической независимости (либо потеряв независимость в пользу третьих центров). Одним из примером подобных ситуаций, интересовавших меня, была зависимость бразильской культуры от Парижа, выступавшего как альтернатива Лиссабону, от которого Бразилия освободилась (речь шла о рубеже XIX – XX веков). Колония, освободившись политически от португальского протектората в 1820 г., тем не менее осталась в состоянии ментальной и интеллектуальной зависимости от Европы. Процесс полной духовной эмансипации был значительно более трудным и долговременным (после изучения бразильской литературы я пришла к выводу, что подобная культурная эмансипация произошла лишь в конце XX века¹¹). Однако в то время, т. е. на рубеже XIX и XX веков, Бразилия, освободившись от Лиссабона, нашла для себя своего рода квази-метрополию в виде Парижа. Хотя она никогда не попала в политическую или экономическую зависимость от Франции, в культурном плане наблюдалось много явлений, похожих на состояния, типичные для колониальных отношений. Например, воодушевление французской республиканской моделью привело Бразилию к парадоксальному

¹¹ Cp. Łukaszyk E., Pluta N. Historia literatur iberoamerykańskich. Wrocław, 2010. S. 736.

«столкновению с самой собой», выступлению против собственных культурных черт, которое воплотилось в трагедии Канудуса¹². На этом примере достаточно четко видно, что культурная эмансипация не является простым и линейным процессом, а скорее наоборот – меандрическим. Она может происходить путем парадоксального попадания в новую зависимость от третьей силы, приобретающей иногда вид «метрополии-заместителя». Однако, с другой стороны, подобный выбор «новой метрополии», как ни странно, может оказаться необходимым этапом процесса эмансипации, выработки аутентичности и культурной индивидуальности. Достаточно уже того, что «новая метрополия» разрушает символическую монополию первой и единственной метрополии, которая определяет сущность колониальных отношений¹³.

Если мы хотим говорить о современных нам ситуациях, происходящих в мире, значительно отличающемся от колониальной эпохи в классическом понимании, необходима дальнейшая переработка постколониальной парадигмы. Необходимо выделить основные отличия между ситуациями. Арджун Аппадурай утверждает, что главные изменения связаны с появлением интерактивных средств коммуникации¹⁴. И действительно, именно легкость интерактивной коммуникации изменяет характер жизни постколониальных диаспор. Интернет-революция не освобождает, однако, мгновенно от постколониальных зависимостей, а иногда даже укрепляет их. В определенной степени это видно при изучении проживающей в диаспоре африканской интеллигенции (что было предметом моего исследо-

¹² В Бразилии в 1897 произошло истребление войсками правительства 25 тыс. жителей фаланстера Канудус, признанного очагом антиреспубликанской идеологии. Ср.: Там же. С. 653-657.

¹³ Там же. С. 636-638.

¹⁴ Ср.: Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis, 1996.

вания), где именно соединение двух обстоятельств: с одной стороны, физического пребывания в бывшей колониальной метрополии, с другой – легкость наблюдения за событиями в покинутой африканской стране и вмешательства в происходящие в ней события при помощи средств коммуникации – могли, как ни парадоксально, привести к определенному укреплению взаимосвязей и зависимостей от бывшей метрополии, которая сейчас все эффективнее «вещает» устами коренной, африканской элиты, находящейся под ее непосредственным идеологическим, и зачастую экономическим, или просто «жизненным» влиянием. Так как эта элита живет и работает на территории бывшей метрополии и именно отсюда формулирует свой лишь мнимо независимый дискурс¹⁵.

Мне кажется, что для более четкого определения периметра понятий, полученных в наследство от постколониальных исследований и необходимых для эффективного рассмотрения разных случаев взаимодействия культур, важно учитывать также новейшие тенденции дисциплины, происходящей из традиционных сравнительных исследований, которая сейчас занимается мировой, или даже «планетарной», литературой. Одним из наиболее значительных исследований, которые в последнее время появились в рамках этой дисциплины, является книга Дэвида Дэмроша «Что такое мировая литература?»¹⁶. Под мировой литературой автор понимает произведения, функционирующие вне своего первоначального, локального контекста, а центральным предметом его исследования являются феномены распространения литературы, модификации, которым подвергаются тексты, приспособляемые для нового адресата.

¹⁵ Ср.: Łukaszyk E. Imperial seduction and 'meek' forms of symbolic oppression // *Silent Intelligentsia. A Study of Civilizational Oppression* / Ed. by J. Kieniewicz. Warsaw, 2009. P. 108-123.

¹⁶ Damrosch D. *What Is World Literature?* Princeton, NJ, 2003.

Дэмрош опирается на известную идею Гете о том, что эра национальных литератур миновала и надо каким-то образом перестроиться на мышление о мировом рынке культурных ценностей, на котором отдельные народы представляют свои лучшие произведения, что главная задача в том, чтобы присоединиться к обмену идей между народами. Эта мысль, как во времена Гете, так и долгое время после него, имела весьма утопический характер, однако, кажется, сейчас, в глобализированном мире, мы становимся свидетелями ее превращения в реальность. Для меня здесь особенно важна одна мысль: рассмотрение проблемы литературы не в категориях завоевания права голоса, и подавления таким образом более слабого противника, как это понималось постколониальными исследованиями, а скорее, в категориях рыночного обмена, а значит, в категориях, по крайней мере, потенциального, плюрализма.

Подобный способ рассуждения о мировой литературе, а опосредованно – и обо всех возможных аспектах взаимодействия культур, который появляется у Дэмроша, открывает новую перспективу мышления не в категориях принудительного прививания элементов культуры, типичного для колониальной ситуации, но в категориях привлекательности, культурных «приманок», которые, конечно, могут содержать ловушки, опасности, о которых не подозревает субъект, приобретающий эти объекты культуры. Однако, по крайней мере, на начальной стадии, здесь действует логика искушения.

Представление о мировой литературе, которое предлагает Дэмрош, не сводится, однако, к образу глобального склада культурных ценностей, существующих так же как обычные товары, продукты производства, т. е. пассивно. Общеизвестно, что литература содержит элемент потенциального, открытости для реинтерпретации, является игрой с адресатом. Таким образом,

мировая литература не является простой суммой национальных литератур, неким складом, а представляет собой органическое целое, в котором осуществляются особые процессы присвоения, особые модальности распространения. Произведение движется в специфическом пространстве обмена между культурами, а значит и определяет особое пространство пограничья. Пограничье становится третьим элементом, который нельзя свести ни к одной из культур, входящих в эту игру, ни к их сумме. Факт распространения идей создает новую в своем роде ситуацию. Произведения, которые становятся предметом игры между культурами, не сохраняют уважения к собственной целостности, присущей им в первоначальном контексте. Наоборот, они становятся предметом особого злоупотребления, манипуляции. В новом контексте их смыслы безжалостно корректируются и изменяются в зависимости от нужд их переводчиков, издателей, адресатов.

Таким образом, Дэмрош выступает против трактовки, предложенной Этьемблем¹⁷, который утверждает, что мировую литературу составляют произведения, содержащие универсальные элементы и небольшое количество инвариантов повсеместно понимаемого характера. Речь идет скорее о распространении содержания, которое претерпевает изменения и адаптацию именно в связи с тем, что ее понимание не повсеместно, а определяется локальными контекстами. Поэтому явления глобального рынка культурных ценностей на первый взгляд выглядят по-варварски. Идеи не принимаются в изначальной форме, а свободно изменяются. Однако то, против чего в первую очередь выступает Дэмрош, – это образ литератур, находящихся в конфликте друг с другом, соперничающих систем, которые были созданы для того, чтобы получить или удержать доми-

¹⁷ Ср.: Étiemble R. Essais de littérature (vraiment) générale. Ed. 3. Paris, 1975.

нирование одного фактора над другим, империи над колонией, власть имущего над подчиненным (именно такой образ возникал в результате постколониальных исследований). Сейчас же рождается образ культурного мира как поля сложной игры многих сил.

Каким образом все это можно отнести к сибирским ситуациям? Я думаю, что главное значение здесь имеет разрушение парадигмы бинарности, характерной для постколониального наследия, и принятие во внимание плюрализма культурных взаимодействий, которые уже существуют в настоящем мире либо которые можно создать или спланировать. Для описания характера взаимодействия культур приходит в голову метафора, не знаю, насколько удачная. Препрежнее мышление о колонизации и ее последствиях предполагало модель подавления огромной массой, которая угнетает и давит во многих смыслах: символическом, экономическом, демографическом. Именно этот механизм давления, сокрытия, стирания определял то, что могло найти выражение и видимость в культуре, то, что могло «существовать на поверхности». Тем временем, возможна также другая модель, аналогом которой могла бы быть тектоника континентальных плит. Наиболее бурные тектонические процессы, такие как землетрясения или извержения вулканов происходят в так называемых зонах субдукции, где одна континентальная плита заходит под другую, создавая давление, требующее выхода. Таким образом, источником того, что «видно на поверхности», на самом деле является доминируемый элемент. Я думаю, что в каком-то смысле, самое интересное из происходящего в современной культуре тем или иным образом связано именно с разного рода доминируемыми элементами. Именно их стремление к экспрессии задает тон современной мировой культуре, а прежние и современные метрополии становятся все более пустыми и молчаливыми.